

Путешествие в СССР: ностальгия по советскому в культурных практиках туризма

Ольга Лыскова

Пристальное внимание к советскому прошлому в первое десятилетие XXI века служит аргументом в отношении символического перехода советского опыта в историческое и культурное наследие. Социальная и историческая рефлексия времени является важным фактором конструирования социальной памяти как элемента культуры, трансляции индивидуальных и коллективных ценностей от поколения к поколению. Сегодня, как и прежде, проблемы соизмеримости индивидуального и коллективного времени, потребности в поисках смысла жизни и понимания времени как человеческого фактора сохраняют свою актуальность. Как отмечает В.Н. Ярская,

человеческая деятельность оказывается ориентирована по всем модусам времени: историческое прошлое как социальная память, сохранение культуры, концентрация опыта предшествующих поколений [Ярская, 1989. С. 97].

Формирование индивидуальной и коллективной идентичности происходит посредством интереса к прошлому и его компонентам –

Автор выражает искреннюю признательность Е.Р. Ярской-Смирновой за ценные рекомендации по реализации замысла статьи.

памяти, культурному наследию, отечественной истории. Переосмысление подходов к прошлому в социальных науках дало начало направлению исследования социальной памяти и ее воплощений в универсуме «обитаемого пространства» и «исторического времени», а также постановке проблемы «памятных мест» [Рикер, 2004. С. 202; Нора, 1999. С. 16].

Задачей данной статьи является исследование ностальгического дискурса по советскому в контексте культурных практик современного российского туризма. Вначале мы предпринимаем экскурс в историю советского туризма в ракурсе культурной политики 1920-1970-х годов на этапах развития пролетарского туризма и формирования послевоенного опыта советских туристов. Затем перейдем к анализу феномена «советское» как реконструируемой культурной достопримечательности и предпосылки развития ностальгического туризма, проанализируем воспоминания участников волжских круизов. В итоговом разделе статьи речь пойдет о работе памяти в местах ее воплощения, о переосмыслении значений символических объектов, трансформации содержательных интерпретаций памятных мест на постсоветском пространстве применительно к культурным практикам современного туризма.

Советский туризм как инструмент культурной политики

В советский и постсоветский исторические периоды концепт «туризм» наполняется разным социальным содержанием и символическими смыслами. Если на советском этапе туризм является регулируемой государством сферой деятельности, то с 1990-х годов туризм целиком принадлежит сфере личного свободного времени в досуговом пространстве. В первые десятилетия советского государства туризм назывался «пролетарским», что было тесно связано с деятельностью Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) 1927-1936 годов. Авторами изданного в январе 1928 года приложения «Всемирный турист» к журналу «Всемирный следопыт» были сформулированы лозунги, выражающие социальное значение туризма: «Туризм – лучшая и наиболее рациональная форма отдыха трудящихся!»; «Хорошо сделанное путешествие стоит ряда прочитанных книг!» [Усыскин, 2007. С. 98].

Пролетарский туризм следует рассматривать в одном ряду с такими новациями 1920-х годов, как санитарное просвещение, сексуальное воспитание, профилактика неврозов и алкоголизма, пропаганда физкультуры и спорта [Сандомирская, 1996. С. 165]. Летом 1929 года Московским отделением ОПТЭ было организовано карна-

вальное шествие с участием 70 тысяч человек под девизами: «Турист, крепи оборону Советского Союза!»; «Туризм в борьбе с алкоголизмом и религией» [Орлов, Юрчикова, 2010. С. 18]. В отличие от буржуазного туризма – «забавы, попытки уйти от нудной скуки паразитической жизни» [Антонов-Саратовский, 1929. С. 31], – пролетарский туризм считался одновременно «политическим явлением» и «социалистическим строительством»,

Иностранные туристы, среди которых было немало писателей, корреспондентов, фотографов, путешествовали по Советскому Союзу [Багдасарян, 2007. С. 14, 34]. В 1950-1970-е годы французский демограф Ж. Дюпакье трижды совершал длительные путешествия по СССР. Им была запечатлена пестрая панорама советского общества: переполненные пляжи в Сочи и оживленные пространства ГУМа в Москве, города Хабаровск, Биробиджан, Чита, портреты обычных жителей. Обширная коллекция фотографий городской и деревенской повседневности представляет колоритную картину жизни советской страны середины XX века [Фотографическая выставка...]. Разворачивающиеся в ностальгическом ключе комментарии в блоге к фотоработам Ж. Дюпакье обращены к реконструированию индивидуального прошлого в ракурсе коллективной памяти:

Это моя страна, это моё детство - светлое и очень счастливое.

Раритетное авто, ездят люди на метро, все на свете дефицит, но зато одет и сыт!

Есть, что вспомнить и забыть, что забыть и всё же... вспомнить... [Путешествие в СССР 60-х].

В 1977 году при содействии национального географического общества США была издана книга «Путешествие по России: Советский Союз сегодня» журналиста Б. Макдауэлла и фотографа Д. Конгера, посвященная истории и культуре СССР, традициям народов его населяющих. Путешествуя по советским республикам в течение двух лет, авторы написали книгу без политических клише о советских людях для таких же простых людей из других стран. В книгу вошли 345 фотографий 1966-1975 годов [Путешествие по России...]. В эпоху холодной войны подобные культурные практики туризма иностранцев по территории Советского Союза имели исключительное значение в качестве попытки сближения в понимании народов и государств, принадлежащих к разным политическим системам.

Любая турпоездка как попадание в чужую социальную и культурную среду предполагает отрыв от повседневности [Ионин, 1997. С. 21]. Как полагает А. Горсуч, в период позднего сталинизма путе-

шествие для советских людей было чем-то напоподобие приключения и самооткрытия. Являясь

ритуалом успокоения для государства, туризм предлагал средства формирования социалистически мыслящих граждан, сосредоточенных только на преимуществах советской системы. Возможно, туризм был ритуалом успокоения и для советских граждан, поскольку он давал надежду, что послевоенная жизнь станет улучшением той, которую они так долго выносили [Gorsuch, 2003. P. 785.]

Характерной чертой советского туризма, по мнению этого автора, было соблюдение тонкого баланса между стремлением к уникальности и поддержанием коллективизма. В послевоенный период он продолжал формировать патриотические чувства граждан, поскольку именно путешествия соединяли отдаленные регионы СССР.

В результате социально-экономических трансформаций 1990-х годов произошли кардинальные изменения структур опыта: число доступных конечных областей увеличилось. Открытость России миру и возможность беспрепятственного выезда за границу сделали зарубежные поездки обычным делом, отняв у них значительную долю той привлекательности, какой они обладали в советское время [Ионин, 2004. С. 367]. Некогда активно развивавшийся внутренний туризм уступил место выездам за границу. Популярный во всем мире приграничный туризм сопредельных территорий является малопривлекательным для россиян. Но социальная память о советском туризме живет в воспоминаниях старшего поколения и транслируется детям и внукам.

Путешествие в Советский Союз: советское как достопримечательность

В последние годы активно развивается модный тренд на «советское», в основе которого лежит культурная инверсия времени. «Советское» важно рассматривать как

антропологический концепт, отсылающий к определенному образу жизни, мыслительным установкам, повседневным практикам, которые и сегодня воспринимаются, описываются и идентифицируются как «советские» [Усманова, 2007. С. 19].

Социальная память о советском туризме сконцентрирована в книгах и архивных источниках, плакатах и фотографиях, документальных и постановочных фильмах. Так, в художественном фильме

«Парк советского периода» (режиссер Ю. Гусман, 2006) наряду с формами курортного отдыха предпринята попытка реконструирования моделей межличностных коммуникаций в поле досуга 1960-х годов. Осмысление советской действительности является одним из направлений современного российского массового кино, которое конструирует коллективные воспоминания и формирует новый советский дискурс на постсоветском пространстве. Художественные кинообразы воздействуют на массовое сознание, вызывая воспоминания о прошлом, мифологизируя советскую действительность, предлагая два образа СССР – «ностальгический» и «гламурный» [Вейц, 2009. С. 50].

В широком толковании под «ностальгией» понимается чувство тоски по прошлому, желание вернуться в то сложное переплетение пространства-времени, с которым связаны самые теплые воспоминания из прожитого. Ностальгия воспринимается как «утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое, а также проекции времени на пространство» [Бойм, 1999. С. 91]. Так, в песне «Отцы и дети» (Т. Шаов, 2008) в разговоре с сыном-тинэйджером отец вздыхает: «А в наше время и снег был белей, и вода была мокрей». Ностальгическими локусами по «советскому» являются старые песни, кинофильмы, журналы, фотографии, открытки, плакаты, в которых идеализируется пространство своего отечества. Тоска по прошлому воплощает идею о том, что тогда жизнь протекала спокойнее и оптимистичнее, чем сейчас: явление постсоветской ностальгии зачастую характеризуется идеализацией недавней истории. Обращение к опыту советского туризма происходит не столько с целью поиска примеров для подражания, сколько для сравнения: как было там и тогда с тем, как здесь и сейчас.

Современная критическая рефлексия призвана заменить утраченную на протяжении постсоветского периода идею о великом Отечестве, которая составляла ведущий тренд в публичном дискурсе вплоть до распада СССР. Ностальгия заполняет нишу столь сложного для современной России понятия Родины [Ратилайнен, 2008. С. 254]. Необходимость адаптации к новым социально-экономическим условиям приводит к поискам метафизического отечества, которое «находится на границе места и времени. Это время – прошлое» [Чернявская, 2006. С. 44].

Сегодня пользуется большим спросом так называемый ностальгический туризм, который помогает человеку символически вернуться в «лучшее время» – детство, юность, молодость, в те времена и места, которых в известном смысле уже нет. Люди отправляются в поездки с целью «встречи с прошлым», реализовать индивидуаль-

ную инверсию времени-пространства посредством общения с родственниками и близкими людьми, посещения мест исторического проживания и бытования, кладбищ и захоронений. Такие запросы воплощаются в культурно-познавательных и культурно-исторических путешествиях, в посещении мест, связанных с событиями жизни семьи или общины для встреч с родственниками или земляками. Ностальгический туризм воплощается в практиках посещения своей символической родины, мемориалов, братских могил, фамильных усадеб, поместьев, домов, а также архивов в поисках сведений о своих предках. По мнению английского историка Д. Лоуэнтала, сегодня прошлое становится «чужой страной», в которую устремляется огромный поток туристов:

Прошлое испытывает на себе все обычные следствия популярности. Чем больше его ценят само по себе, тем менее реальным и достоверным оно становится [Лоуэнталь, 2004. С. 14].

Советское прошлое сегодня пользуется большой популярностью, волна ностальгических воспоминаний захлестнула массовое сознание. Культ ностальгии и потребность в историческом наследии являются подтверждением того, что «чары прошлого по-прежнему могущественны» [Лоуэнталь, 2004. С. 619]. С недавнего времени актуализируемый образ советского наследия «упорядочивает и оформляет культурную память» [Замятин, 2008. С. 42]. Реконструирование советского прошлого с помощью туризма и путешествий позволяет сохранить хотя бы в воспоминаниях советскую страну, собрать воедино фрагменты визуальных и прочих образов «метафизической родины» - в значении не территориальном, а символическом [Чернявская, 2006. С. 46].

Туризм как совокупность индивидуальных и коллективных практик приобретает культурные коды и символы на разных хронологических этапах своего развития. Путешествия ностальгического характера в СССР сегодня осуществляются разными способами. Люди самостоятельно проходят по экскурсионно-туристическим маршрутам, включающим достопримечательности советской эпохи и даже целиком копирующие прежде популярные, а позже забытые маршруты, насыщенные именами, датами, событиями, достижениями Советской страны. Путешествуют и виртуально: с помощью просмотра документальных кинохроник и представленных на фото-выставках, в книгах, Интернете фотографий как результатов наблюдения и творчества других людей, осуществлявших пространственную мобильность в советское время по Советской стране. Два десятилетия, прошедшие со времени распада СССР, позволяют взглянуть

на советскую повседневность с некоторой степенью отстраненности, используя термин Б. Брехта, «очужденно», преодолевая идеологические штампы и культурные стереотипы. Экскурс в советскую повседневность посредством культурных практик туризма способствует пониманию недавнего прошлого и осознанию того, что происходит с нами сегодня.

В воспоминаниях современных туристов звучат ностальгические ноты о советских практиках туризма. Наши информанты¹ вспоминают, что в советское время степень интенсивности их туристской мобильности была заметно выше, чем сейчас. Существовало достаточно возможностей для путешествий по городам и республикам СССР:

В советское время самостоятельно летала самолетом в Москву, Вильнюс, Минск, Ленинград, отправлялась в поездки выходного дня Волгоград – Москва – Волгоград. Ездили дикарями на юг, останавливались у частников в Гудауте, в Сочи (Жен., 60 лет).

В советское время ездила в Сочи, Кисловодск. Очень любила Кисловодск. А также Гагры, Пицунду. Из моего советского опыта – Рига, Юрмала, санаторий МВД «Дзинтари» (Жен., 66 лет).

В 1970-е годы с мужем путешествовала по Волге до истоков, в Карелию, на Валаам. Ежегодно ездили в Сочи. Муж по путевке как военный, а я с двумя детьми снимала комнату поблизости от дома отдыха (Жен., 84 года).

Родители наши ездили по турпутевкам. В советское время туризм был развит, был доступен (Муж., 45 лет).

При наличии социальных гарантий и льгот на путевки существовала система привилегий в распределении туристических и санаторно-курортных услуг, в чем отчетливо проявлялась социальная дифференциация:

В детские каникулы на 11 дней отправлялись куда-либо, 70% оплачивал профсоюз, 30% - сами. Как почетный донор имела льготные путевки... По сравнению с советским отдыхом сейчас - небо и земля. Доступнее был отдых в Советском Союзе.

¹ Интервью с людьми, имевшими опыт советского туризма (N=12), собраны в июле 2009 года в волжском круизе на теплоходе «Александр Невский» по маршруту Волгоград – Казань – Волгоград.

Пенсионеру сейчас нужно откладывать одну тысячу рублей в течение года на поездку (Жен., 60 лет).

Работала в системе МВД, поэтому находилась на государственном обеспечении, давали льготные путевки. Отдыхала в ведомственных санаториях «Эльбрус», «Россия». Льготные турпоездки всегда играют роль поблажки (Жен., 66 лет).

Степень доступности организованных форм туризма была для всех граждан неодинаковой. Равенство возможностей в советское время ощущалось заметнее, чем сейчас, однако наличие наряду с «сервисом для всех» привилегированной системы обслуживания свидетельствует о социальной стратификации. Для многих советских людей реальными возможностями оставались практики «дикого туризма» или «по знакомству»:

В советское время ездили в скромной каюте в трюме всей семьей по Волге. В 1952 году открыли канал «Волга – Дон». Мы с мужем поехали на трехпалубном теплоходе по маршруту Саратов – Волгоград – Астрахань – Ростов-на-Дону и обратно. Путевок было не достать. У снохи знакомая работала диспетчером на пристани. В общем, купили путевку по блату, а именно – у капитана. Нам дали отдельную каюту, хорошо обслуживали. Каждый день капитан интересовался – как дела, все ли нам нравится. Окрестности были малопривлекательными у шлюзов. Никакой зелени. Земляные насыпи. В месте пересечения Волга – Дон высились из воды две огромные статуи Ленина и Сталина. Позже Сталина убрали (Жен., 84 года).

Советская экономика тотального дефицита способствовала государственному регулированию потребления. Развивались отражающие специфику советского общественного потребления практики лавирования между коллективным и индивидуальным, общедоступным и дефицитным.

Имея возможность сравнивать современные практики туризма со своими поездками в советское время (командировочные и «дикари» ездили даже на третьих полках в плацкартных и общих вагонах), информанты отмечают позитивные сдвиги в организации своего отдыха:

Сейчас турфирмы снимают много проблем. Занимаются поиском вариантов (Муж., 45 лет).

По сравнению с советским опытом путешествий сейчас доступнее в организации, выше по степени комфорта (Жен., 57 лет).

Путешествие по родной стране, в том числе в рамках внутреннего речного круиза, было и остается важным воспитательным ресурсом:

Девятый год вместе с учащимися из клуба ходим в плавание на теплоходе «Александр Невский», сейчас здесь тридцать детей. Всего в подростковом клубе двести двадцать мальчиков и девочек от 10 до 15 лет. Финансирует деятельность клуба муниципалитет Волгограда. В 1997 году в России таких клубов было несколько сотен, сейчас – единицы (Муж., 47 лет).

В масштабах отдельно взятой семьи преемственность в практиках туризма между поколениями служит сохранению культурной памяти, традиций и образцов поведения:

Путешествие – традиционное семейное занятие, отец был историком и военным, привил любовь к этому виду деятельности (Жен., 84 года).

Во времена СССР по всей стране можно было ездить, все зависело от желания, ездили же на третьих полках. Внутренний туризм процветал. Где только родители ни побывали: Иркутск, Хабаровск, Средняя Азия (Муж., 32 лет).

Особую роль в практиках туризма играет индивидуальный опыт и память как условия осмысленности предпринимаемого путешествия:

Много в отдыхе, туризме, путешествии нюансов: время, желание. Чтобы ехать мир познавать, нужно после 18 лет, до того – рано. Память и впечатления просыпаются позже (Муж., 32 года).

В круизе как будто окунулась в детство с его организованным отдыхом. У меня были пионерские лагеря, дворовое детство (Жен., 45 лет).

В прошлом году путешествовала с внуком по Волге на теплоходе «Тимирязев». Досуг осуществлялся пианисткой, она исполняла романсы и песни советских лет (Жен., 62 года).

В воспоминаниях туристов ностальгия по советскому является одним из компонентов индивидуальной и коллективной памяти, связующим началом между прошлым и настоящим. Именно благодаря работе культурной памяти прошедшее уже не кажется «чужой страной», становясь частью собственного жизненного време-

ни-пространства. Связанный с селективным сохранением воспоминаний ностальгический туризм по-своему реконструирует советское прошлое, представляя его как достопримечательность.

Культурные практики туризма: работа памяти в местах ее воплощения

Культурная память является социальным полем взаимодействия географического пространства и инверсии времени, когда свершившиеся события не уходят бесследно, не покидают людей окончательно, а фиксируются в местах памяти – своеобразных культурных локусах, где воспоминания пробуждаются или конструируются. Культурная память концентрируется на проблемах наследия.

Мы вспоминаем о нашем путешествии и посещении памятных мест, расположенных именно на поверхности обитаемой земли... на этом изначальном уровне конституируется феномен «мест памяти»... Они выступают в качестве опорных пунктов воспоминания... [Рикер, 2004. С. 40].

Разбросанные по всему миру места памяти в символическом, историческом, этическом, эстетическом смыслах важны для ныне живущих, повествуя о тех людях и событиях, которых более не существует.

Символическими объектами культурной памяти являются архивы и библиотеки, словари и музеи [Нора, 1999. С. 25]. На этом перечне, разумеется, не исчерпывается: храмы и кладбища, мемориальные памятники и таблички, книги, рукописи и фотографии также являются символическими объектами ее воплощения. Места памяти пространственно функциональны и художественно конструктивны, они как никакие другие символические объекты поддерживают коммеморативное коллективное сознание. В равной степени хранящиеся в архивах документальные свидетельства и размещенные в местах памяти исторические символы реализуют идею «внешних знаков, служащих опорой и посредником в работе памяти». Как документальные источники, так и места памяти прокладывают себе путь в социальной памяти, если «документ отсылает к следу», то «след – к событию» [Рикер, 2004. С. 204, 253].

Память места как элемент социальной и культурной памяти о драматических и трагических событиях прошлого неразрывно связывает советский период отечественной истории с современностью и способствует поддержанию коллективной идентичности. Вместе с тем, смысл места постепенно меняется, и память о нем остается то-

гда, когда «собственно происходящее имеет уже совсем иной смысл» [Филиппов, 2008. С. 250]. Так, современные поездки по местам боевой славы свидетельствуют о потере их знаковой сущности для новых поколений. Целый ряд мест памяти с сооруженными мемориальными комплексами – «Брестская крепость – герой»; «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане и государственный музей-панорама «Сталинградская битва» в Волгограде; обороны и блокады Ленинграда; мемориал героической обороны Одессы; музей-панорама «Оборона Севастополя» 1854-1855 годов - остаются локусами конструирования национальной идентичности.

Места памяти могут быть полностью институционализированными и неофициальными, эмоционально насыщенными и сентиментальными, и как точно определяет П. Нора их смысловую сущность, это

места единодушия при отсутствии единства, больше не способные выразить ни активной убежденности, ни страстного участия... Места памяти управляют присутствием прошлого в настоящем [Нора, 1999. С. 26, 42].

Подавляющее большинство мест памяти сегодня не в силах реализовать объединительную функцию в результате резкой поляризации существующих в обществе политических взглядов и убеждений. Попытками социального примирения стали такие места памяти за рубежом, как площадь Бастилии в Париже на месте разрушенной в 1789-1790 годах тюрьмы, где была воздвигнута Июльская колонна в память о революции 1830 года; расположенный в 58 км от Мадрида мемориальный комплекс Долина павших в память о жертвах гражданской войны 1936-1939 годов – коммунистах и франкистах, республиканцах и националистах. Мемориал в Долине павших включает базилику и 150-метровый крест с начертанными на нем словами: «Они любили Испанию».

Ситуация с местами памяти на постсоветском пространстве складывается весьма драматичная. Мы сталкиваемся с неизбежным пересмотром символики мест памяти, когда культурные практики следуют за политическими трансформациями. Ярким примером являются бескомпромиссные дискуссии 1990-х годов о судьбе Бронзового солдата – памятника советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне, – и апрельские события 2007 года вокруг его переноса из центра Таллина на Военное кладбище, что привело к массовым волнениям в Эстонии. Символический смысл Бронзового солдата пребывает между двумя противоположными в своих оценках воплощениями коллективной памяти: олицетворение либо защиты от фашизма, либо советской оккупации Эстонии. Это прояв-

ляется в бескомпромиссности сторон в дискуссиях и комментариях новостных сюжетов.

Полные драматизма события, связанные с элиминацией памяти о советском, происходят на территории стран постсоветского пространства и Восточной Европы. Публичные дискуссии 1980-1990-х годов в Белоруссии об историческом смысле трагедий Хатыни и Куропат переросли в стремление пересмотреть советскую историю. Дискурсивная переоценка социализма проявилась в попытках ретроспективного отстранения и отчуждения недалекого прошлого [Ушакин, 2011. С. 231]. Современные формы социального поведения делают возможными проявления социального отчуждения, что соответствует логике постколониальных отстранений на постсоветском пространстве. Происходит активное конструирование диаметральных друг другу осей аргументаций вокруг пространственных структур прошлого и мест памяти.

В связи с этим особую важность с проекцией на день сегодняшний приобретают выводы П. Рикера о возможностях пределов памяти, используемых в педагогических и воспитательных практиках [Рикер, 2004. С. 100-102]. Мы зачастую сталкиваемся с политикой целенаправленного забвения через стратегию замалчивания, ложных интерпретаций, идеологических манипуляций коллективным сознанием, что приводит к потере секуляризация культурной памяти, а, значит, и знаковой сущности памятных мест для новых поколений. То, что раньше было местами гордости, славы, преклонения, паломничества, то, во что верили, чему поклонялись, сейчас переосмысливается и пересматривается.

Не так давно в Ярославской области был организован туристический маршрут «Путешествие в СССР», в основе которого лежит повествование о жизненном укладе советских людей. В городе Тутаеве, переименованном в 1918 году из Романова-Борисоглебска в честь красноармейца И.П. Тутаева, туристы посещают сквер советского периода, который был открыт в 1946 году, где сохранились и были привезены из других мест столь привычные для советских парков, аллей и скверов скульптуры пионеров. В музее «Борисоглебская сторона» вниманию экскурсантов предлагается экспозиция «Советская провинция», отражающая работу и быт тутаевцев 1920-1980-х годов. Здесь реконструированы обычная квартира, районный магазин, кабинет начальника заводского цеха. Экскурсионная программа предусматривает интерактивное обучение туристов на уроке в школе, обед в столовой, целиком воспроизводящие повседневные советские практики. Другая интерактивная программа «На солдатском привале» проводится в деревне Волково, на родине

легендарного маршала В. Блюхера. Туристы знакомятся с военными страницами советской истории, обедают на полевой кухне.

Наиболее драматичным компонентом маршрута является повествование об истории строительства самой мощной в Европе Рыбинской ГЭС, объединяющее пафос грандиозной советской стройки и трагедию повседневности лагерной жизни строителей Волголага, отдельные помещения которого сохранились до сих пор. В 1935 году НКВД для сооружения Рыбинской и Угличской ГЭС организовал Волжский исправительно-трудовой лагерь, в котором погибли около 120 тысяч человек.

Рядом с Рыбинской ГЭС находится уникальное место – поселок энергоэнергетиков «Город солнца». В первоначальном виде здесь сохранился выстроенный в стиле соцреализма и ни разу не реставрированный Дом культуры с необычным фасадом и оригинальными интерьерами, паркетом, стульями в кинозале, кинопроектором [В Ярославской области...]. Проходящий по городам Ярославской области туристический маршрут «Путешествие в СССР» по замыслу организаторов насыщен узнаваемыми образами и маркерами советского времени: музыкой, кинофильмами, бытовыми деталями, символами и традициями. Такой маршрут пользуется большой популярностью у туристов разных поколений.

На обширном пространстве СССР туризм способствовал формированию советской идентичности. Внутренний массовый туризм по просторам самой большой в мире страны воплощал преимущества социалистической системы и стал важным компонентом патриотического образования, воспитания, культурной политики. Для многих обывателей совершать путешествия за границу стало одним из видимых завоеваний «перестройки». Современный российский туризм в силу пространственной, культурной, социальной сопряченности в чем-то, безусловно, является наследником советского. Однако постсоветский туризм ассоциируется с лоскутным одеялом по сравнению с цельно сотканным полотном запрограммированного «идейного» советского туризма.

Социальная память о советском туризме конструирует коллективную идентичность, солидаризируя воспоминания представителей разных поколений, вырабатывая образцы и модели поведения. Особую роль в этом процессе играет родственная межпоколенческая преемственность в планировании и осуществлении практик туризма, что благоприятно сказывается на сохранении и культивировании семейных традиций. Воспоминания о советском туризме ныне

путешествующих людей помогают формировать современную идентичность российских туристов. Посредством воспоминаний о прошлом происходит ремифологизация социальной памяти.

Политика памяти находит свою реализацию в культурных практиках туризма. Путешественник совершает большую интеллектуальную и эмоциональную работу, получая в ходе поездки информацию, сравнивая ее со своими прежними знаниями, воспоминаниями, образами, усваивая и транслируя ее. Индивидуальная память туриста неизбежно трансформируется в местах ее коллективного воплощения, которые наполняются новыми коннотациями. «Путешествие в СССР» сегодня является переосмыслением своего индивидуального опыта средствами коллективной культурной памяти. Социальная память о советском прошлом реализуется как в современных культурных практиках, так и в политических проектах ностальгии по советскому. Именно сегодня как никогда прежде проявляется ценностная амбивалентность советского времени в интерпретациях смыслов старых и новых мест памяти.

Список источников

- Антонов-Саратовский В.П.* Основные задачи советского туризма. – М.: Госиздат, 1929.
- Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Шнайден Й.Й., Федупин А.А., Мазин К.А.* Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930-1980-е годы. – М.: ФОРУМ, 2007.
- Бойм С.* Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. №39. С. 90-100.
- В Ярославской области туристы могут совершить «Путешествие в СССР».* <http://www.interfax.ru/tourism/tourisminf.asp?id=200672&sec=1495>. Обращение к ресурсу 01.12.2011.
- Вейц М.Е.* «Советское» как объект потребления в современном российском кино (на примере фильма «Стиляги») // Потребление как коммуникация – 2009: Материалы 5 международ. конф, 26-27 июня 2009 г. / Под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 47-50.
- Замятин Д.Н.* Образ наследия в культуре // Человек. 2008. №5. С. 39-46.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры: учеб. пособ. для вузов. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А. В. Говорунова. - СПб.: Фонд «Университет», «Русский остров», «Владимир Даль», 2004.
- Нора П.* Проблематика мест памяти / Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.

Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.

Путешествие в СССР 60-х. <http://blog.i.ua/user/1826198/444797>. Обращение к ресурсу 02.12.2011.

Путешествие по России: Советский Союз сегодня. <http://valkorn.livejournal.com/772486.html>. Обращение к ресурсу 02.12.2011.

Ратилайнен С. Ностальгия «Крестьянки»: история и память в текстах женского журнала // Образ достойной жизни в современных российских СМИ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 238-256.

Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Сандомирская И.И. Новая жизнь на марше. Сталинский туризм как «практика пути» // Общественные науки и современность. 1996. №4. С. 163-172.

Усманова А. Р. Советская визуальная культура как объект антропологического исследования // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. – Саратов: «Научная книга, 2007. С. 18-25.

Усыскин Г. С. Очерки истории российского туризма. 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: «Издательский дом Герда», 2007.

Ушакин С. А. В поисках места между Сталиным и Гитлером: О постколониальных историях социализма. *Ab Imperio*. 2011. №1. С. 209-233. <http://princeton.academia.edu/oushakine/Papers/618285>.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: «Владимир Даль», 2008.

Фотографическая выставка Жака Дюпакэ «Путешествие в СССР: 1956 – 1964 – 1975». <http://afrus.ru/ekaterinbourg/ru/2011/10/fotograficheskaya-vystavka-zhaka-dyurake-puteshestvie-v-sssr-1956-1964-1975-400>. Обращение к ресурсу 01.12.2011.

Чернявская Ю.В. Тоска по пространству // Человек. 2006. №4. С. 31-46.

Ярская В.Н. Время в эволюции культуры: Философские очерки / Под ред. А.Г. Спиркина. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1989.

Gorsuch A. «There's No Place Like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review* 62, 2003, no.4 (Winter 2003). P. 760-785.

«Связь с корнями»: социальный капитал фольклорного движения

Ростислав Кононенко, Евгения Карпова

Задачи настоящей статьи – проанализировать особенности одного из современных общественных движений в ракурсе понятий культурной памяти и социального капитала как совокупности знаний, навыков и социальных практик, существующих и воспроизводимых им в социальных сетях [Яницкий, 2011. С. 118]. Вначале рассмотрим социально-исторический контекст обществ в эпоху позднего социализма, в котором появились группы людей, увлекавшихся фольклором, традиционной народной культурой, а также обсудим некоторые характеристики сообщества любителей фольклора и его черты как социального движения, направленного на изучение, возрождение и распространение этномузикальных традиций. Далее мы покажем, что культурная память, формируясь в процессе коллективных действий участников движения, становится ресурсом их групповой идентичности и стержнем накапливаемого социального капитала. Исследование базируется на анализе четырех глубинных интервью лицом-к-лицу в 2010 году и восьми интервью, проведенных онлайн в 2011 году с представителями разных поколений фольклорного движения, а также на продолжительном участвующем наблюдении.

Выражаем признательность редакторам сборника и Г.Г. Карповой за ценные рекомендации по доработке статьи.